

ЭКРАН И СЦЕНА

23 августа

— с 1, 8-9

ПРОФИЛЬ КУМИРА

Книгу под таким названием готовит к выпуску всесоюзное издательство «Советский композитор» совместно с редакционно-издательским кооперативом «Созвучие». Книгу эту написал московский журналист, постоянный автор «ЭС» Александр ЮРИКОВ, который был, пожалуй, одним из первых, кто в трудные для Валерия Леонтьева годы сумел сказать о нем добрые слова в центральной прессе, несильно, если вспомнить, жаловавшей тогда певца.

В этой книге о творчестве Валерия Леонть-

ева размышляют поэт Андрей Дементьев, композитор Лора Квинт, режиссер Евгений Гинзбург, восходящая эстрадная звезда Дмитрий Маликов... Из Воркуты, где дебютировал певец, читатель перенесется в артистическую концертного комплекса «Олимпийский», побывает на некоем чердаке, где собираются юные поклонники артиста...

Мы публикуем главу «Не только певец» из этой книги Александра Юрикова.

(Окончание на 8—9-й стр.).

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

СТОИТ ПОСТУПИТЬСЯ ПРИНЦИПАМИ,
или

Праздник кино на земле парадоксов и загадок

...Это было в тихую прекрасную эпоху застоя, когда трудовые будни, еще считалось, праздники для нас. Вот и посчитали: раз в конце августа (точно — 27-го числа) основа-

тель нашего государства подписал декрет о национализации кинопромышленности — быть сему дню не просто днем, а Днем советского кино.

(Окончание на 2-й стр.).

СКОЛЬКО СТОИТ ВАЛЕРИЙ ЛЕОНТЬЕВ?

Воспитанец В. В.

23/08/90

Сколько стоит Валерий Леонтьев?

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ

тают так шествовать по жизни, чтобы кругом сыпалось стекло. Я этого не люблю. И вообще стараюсь не делать ничего такого, за что я сам могу бы осудить других. Стараюсь сдерживать свои обещания. Неохотно их даю — но если уж дал слово, стараюсь его сдержать.

ЖУРНАЛИСТ. Насколько изменилось в последние годы положение артиста на эстраде? Дышитесь ли вы свободнее?

ЛЕОНТЬЕВ. Несомненно. Все, что мешало артистам, сейчас ушли в глубокое подполье. Сегодня любой артист волен быть самим собой, как никогда прежде. Я имею в виду — в творческом отношении, материальная база нашего жанра по-прежнему находится в нищенском состоянии, трудно создать что-то достойное, интересное. При этом и к актерам, и к зрителям стекается огромный поток культурной информации. Очень сложно с ним справиться. Зритель находится в растерянности, он не знает, кого любить, кого слушать, кому верить и на что смотреть. И артисты мечутся, выбирая, в чем себя реализовать. А многие думают просто о том, а какую струю попасть, чтобы не отстать от моды. И я не считаю, что это плохо. Потому что главный принцип, в соответствии с которым воспитывали наших артистов: «Не иди на поводу у зрителей, а являйся для них примером духовности, ведай их в мир прекрасного» — он давно устарел и при этом завел в тупик нашу легкую музыку. По-моему, нельзя не учитывать зрительских симпатий, желаний.

ЖУРНАЛИСТ. Если следовать в русле ваших размышлений, вам следовало бы, с точки зрения тихих зрителей, законсервироваться на уровне того пения, когда вы пели «Куда уехал цирк».

монстрировать тем, кто в XX веке возьмется за постановку оперы о нем.

А ведь вместо этих длительных мучений Леонтьев мог с успехом петь апробированный репертуар, заколачивая «бабки». Как и поступают многие его коллеги, часто люди очень талантливые, не замечая, как движутся прямоиком к разбитому корыту.

Опера состоялась. Можно, как мне кажется, поспорить со многими и в либретто, и в режиссуре, можно указать на недостатки в исполнении отдельных партий... Но мы сейчас о другом — об умении рисковать, искать новое, смело отказываться от того, что сегодня еще приносит успех, но станет тормозом уже завтра.

После «Джордано» — поездка в Индию, поиск нового сценического облика, резкая смена репертуара...

...Похрюкивает диктофон. Я жду ответа на свой первый вопрос: как удалось Леонтьеву в очень сложные годы, когда все причислялось под одну гребенку, остаться самим собой?

Последний раз звякает о край стакана чайная ложечка. Валерий отодвигает чай. Начинаем работать.

ЛЕОНТЬЕВ. Я не могу сказать, что вычислял, высчитывал, много думал над тем, каким быть. Я пробую, ищу, часто ошибаюсь. Знаю одно: если не делать вообще ничего, ничего и не добьешься.

ЖУРНАЛИСТ. Девиз доктора Бенджамена Спока: «Если хочешь сделать что-то, делай хоть что-нибудь».

ЛЕОНТЬЕВ. Да. При этом твердо уверен: главное — нести заряд свежего, истинного чувства. О чем бы ты ни пел, в какую бы упаковку это ни было завернуто. Мода в нашем жанре — дело великое, за ней нужно следить. Следить, чтобы вовремя менялись аранжировки, вовремя менялись звучание, голосоведение, подача звука. Чтобы менялся и внешний облик. Я чувствую эту потребность. Упаковка должна в нашем жанре соответствовать времени. Но ведь очень важно, что скрывается под самой современной упаковкой. Преподносишь ты зрительно суррогат эмоций или неподдельное чувство. Отчаяния, горя, радости, надежды... Главное, чтобы это принимал зритель. Чтобы возникало ответное чувство. Мне дорожке всего тот зритель, которого легко обидеть. Легко рассмешить. То есть легко вызвать в нем ответную волну сопереживания. Мне совсем не приходило в голову анализировать: является мое творчество каким-то социальным явлением или феноменом... Недавно мне статья такая попала: «Феномен Леонтьева». Не знаю... Мне вот как хочется пить — так хочется петь. Просто жалко, что жизнь человеческая до смешного коротка. «Венец творения, венец творения!» Звучит это издавельски. Венец творения в тридцать лет едва набирается ума (это еще кому как повезло), в пятьдесят он скручен болезнями, а в последующие годы начинается прогрессирующее слабоумие. Уж больно крохотный отрезок нам дан, когда мы можем действовать на пределе физических, творческих, интеллектуальных возможностей. И на этом отрезке катастрофически не успеваем реализовать все то, что чувствуешь, оно бродит где-то внутри тебя. Обидно и несправедливо, что нам не дано нескольких жизней. Одну жизнь можно было бы прожить артистом, другую — исследователем океана, третью — космонавтом.

ЖУРНАЛИСТ. В той единственной жизни, которая нам дана, удалось ли вам выработать собственные правила, которым вы следуете? Творческие и житейские? Известны правила, например, Шерля Азнавура, я их кратко напомню. Первое: иной раз сдержанные аплодисменты свидетельствуют об успехе, а бурные овации часто означают провал. Второе: певец должен убеждать, не хватая публику за грудки. Рампа для того — существует, чтобы артист оставался на своем месте, на сцене. Третье: опасно думать, что ты уже выиграл, но еще опаснее думать, что ты уже проиграл. И, наконец, последнее: артист на протяжении всей своей карьеры продолжает загадочный и непрерывный разговор с публикой. Если он часто повторяется, публика отворачивается от него, чтобы переменить тему разговора. А вот из правил Лилии Ивановой: иди туда, где тебя любят. Не забывай, что есть и другие, которые могут. Остерегайся неравенства уравниловки. Если обладаешь незаурядными данными, не стесняйся их проявить. Не становись жестоким только из боязни показаться сентиментальным...

ЛЕОНТЬЕВ. Эти правила тогда выкристаллизовывались в сознании художника, когда приходило время подводить итоги. Никто из них — ни Азнавур, ни Иванова, ни Марлен Дитрих, у которой, как известно, было десять жизненных заповедей, — не придумал эти правила в 20 лет, в 30, даже в 40 лет. Только оглянувшись на значительный отрезок своего жизненного пути и творчества, можно проанализировать какие-то закономерности и на основе этого возвести свод законов, в соответствии с которыми следует жить дальше. С этой точки зрения — я еще не установил для себя подобных жизненных правил. Мне еще рано подводить итоги. Тем не менее существующие определенные принципы, в соответствии с которыми я живу. Их немного. Любить зрителя, к которому выходишь. Каждый вечер петь так, как будто завтра ты уже не сможешь этого делать: или тебе не разрешат, или что-то с тобой случится. Выходить с ощущением, что сегодняшнее твоё выступление — последнее.

ЖУРНАЛИСТ. Это творческие правила. А житейские? В отношении с людьми? Вы жесткий человек или стараетесь идти, обходя острые углы?

ЛЕОНТЬЕВ. Я человек неконфликтный. Если меня не устраивает общение с кем-либо, я стараюсь тихо его прекратить. Без скандалов, без пафоса и привлечения лишнего внимания. Многие люди предпочи-

В ГОСТИНИЧНОМ номере тихо. Изредка снизу слышны автомобильные гудки — это у входа в «Россию» пытаются раздаться многочисленные «Волги». Чуть-чуть ворчливо поскрипывает старенький диктофон на столе между мной и Леонтьевым, знает, что сегодня у него будет много работы! Я задал Валерию первый вопрос и жду ответа. Медленно помешивая ложечкой в стакане с чаем, он размышляет.

А мне на память приходит впечатления от встреч с ним — на концертах и за кулисами, в гримбуторных и в гостиничных номерах. Ни разу не был только у него дома — да ведь и дома у него в Москве практически не было.

Первая встреча — начало восьмидесятых. Позвали подруга, работавшая в «Союзконцерте». «В Олимпийской деревне выступает Леонтьев, обязательно приходи». Доверяя ее вкусу, отправился на другой конец города. Было Вербное воскресенье, толпы народа в метро, добраться от станции «Ого-Западная» до Олимпийской деревни почти невозможно. С опозданием всежал в зал, увидел, что он наполовину пуст. Подруга объяснила — билеты все проданы, видимо, зрители застряли в пути. Концерт был дневной, и артист вполне мог начать его во время — надо же и отдохнуть перед вечерним выступлением! Но Леонтьев дождался, когда последнее место в зрительном зале было занято. И спел с полной отдачей. Буквально зарядил зал сверхэнергией, включил в свое эмоциональное поле, поразили умением двигаться, необычной пластикой, яркими вокальными данными. И, конечно, нестандартным, во многом непривычным репертуаром. Первые сильные выступления молодого певца в столице — и ни одной песни о комсомоле, об ударных стройках пятилетки, о том, что «коммунизм это молодость мира, и его возводить молодым». Вместо этого — удивительный лирический блок песен Тухманова. Когда он спел «Бреду по желтым склонам», я понял, что это певец, который может превращать жизнь в праздник.

После концерта меня и моего коллегу повели за кулисы — познакомиться. Я ожидал увидеть человека, абсолютно измотанного выступлениями, выжатого, как лимон: с такой отдачей работал на сцене Леонтьев. Перед нами предстал спокойный, доброжелательно настроенный, улыбающийся, радужный хозяин концерта. Вежливо выслушав наши восторженные отзывы, он стал задавать конкретные вопросы: по репертуару, по режиссерскому решению концерта. Он был не то чтобы недоволен собой, он хотел следующее выступление сделать еще лучше.

Я не помню у Леонтьева проходных, «служебных» песен. Он вместе с тем на каждом концерте выделялся один-два номера, приводившие в особенное неистовство публику, запомнившиеся надолго.

Это мог быть «Зеленый свет» в программе «Святая к музыке любовь» по произведениям Раймонда Паулса — когда, казалось, чинная публика концертного зала «Россия» вот-вот бросится вслед за певцом, с удивительной легкостью и свободой перемещавшимся по залу.

Это мог быть «Доктор Время» на концерте, прошедшем во Дворце спорта в Лужниках в дни приезда президента США Рональда Рейгана, когда перед зрителями словно распахнулась Вселенная с ее вечными проблемами, самой главной и неразрешимой из которых всегда остается проблема осознания человеком самого себя.

Помню обжигающее впечатление, горький вкус песни «Афганский ветер». Я знал, что Леонтьев побывал в Афганистане, и не просто элегантный модный певец доносил до меня текст, актуальный в тот момент, — нет, со мной говорил человек, знающий, как это было, сам обожженный — пусть немного — этим ветром. «Зачем стучишься, похоронка, в панельный дом!»

Он шагал широко, и с каждым новым шагом, казалось, становился все моложе, все элегантнее, все больше становился «человеком-праздником».

И вдруг — премьера оперы «Джордано». Поэтические сцены из жизни монаха, ученого, поэта Джордано Бруно. Совершенно неожиданный, непривычный Леонтьев. Леонтьев — монах. Леонтьев — шут. Леонтьев — Сатана.

«Человек-праздник» не испугался стать некрасивым. Порой даже отталкивающим. Временами — жалким. Потому что сумел сделать своего героя великим.

Труднейшая, с профессиональной точки зрения, работа. Поиск в том направлении, в каком у нас сделаны лишь первые, не очень уверенные шаги. Попытка взлететь в самолете, на который поставили новый, ни разу еще не опробованный двигатель.

Правда, механик у этого самолета оказался очень квалифицированным — Лора Квинт. Да и команда подобралась неплохая: Лариса Долина, Павел Смеян, один из лучших наших мимов Александр Жеромский. Валерий не побоялся выйти на сцену рядом с профессиональным оперным певцом, солистом Ленинградского академического театра оперы и балета им. Кирова Владимиром Панкратовым.

А когда я узнал, в каких условиях репетировалась опера, то понял, что только колоссальная энергия и уверенность в успехе, которыми наделен Леонтьев, могли привести к тому результату, который мы оценили в концертном зале. Репетиции шли в маленькой комнатке, только накануне премьеры группа получила сцену. Актерам не оплачивали репетиционные часы. А пошива костюмов, изготовление декораций! Не знал легендарный Джордано, сочиняя один из своих трактатов — «О героическом энтузиазме», что именно такой энтузиазм придется проде-

каторию работать, чтобы обеспечить успех. У меня в зале — дети и глубокие старики, почтенные пожилые люди и совсем молодые, школьники, студенты. То есть зрительский диапазон достаточно велик, и если я буду думать о том, как угодить им всем, я стану похож на повара, старающегося приготовить такое блюдо, которое понравится бы всему человечеству. Поэтому я должен прежде всего отталкиваться от своих собственных симпатий и желаний. Что мне сегодня хочется сказать? Что считаю необходимым сделать? Если это интересно широкому кругу людей — значит я не ошибся.

ЖУРНАЛИСТ. За те годы, что прошли со времени моего последнего интервью с вами — 4—5 лет, — произошли ли, на ваш взгляд, изменения со зрительным залом? Стал он умнее или глупее? Мрачнее или веселее?

ЛЕОНТЬЕВ. Когда мы говорим о публике, мы все равно вынуждены говорить о какой-то общей тенденции. Само собой получается, что зритель — одородная масса, хотя она совсем не однородная, как я уже говорил.

Существует достаточно крепкий слой интеллектуальной публики, которую не проймешь ладно профессионально скроенной ритмической «музычкой», обреченной на успех у большинства. Есть люди, которым нужна философия, интересна музыкальная гармония, есть люди, которым нужны кружева поэзии, положение на музыку. Есть огромная прослойка публики, которая любит лирическую песню, ждет песен о любви. Есть публика, которая с нетерпением ждет, когда же начнется танцевальная «тусовка» — дансинг. Есть любители песни «ругательной», как я ее называю: официально это именуется «социальной тематикой». В общем, ты должен выйти и спеть о том, что нет в продаже мыла и кто в этом виноват, — и тебя эта часть публики восторженно встретит. А если еще и выругаешься неприлично — вообще восторгу не будет предела. Но в целом сегодня, конечно, зритель стал более активным, особенно зритель молодой. Тот, который пришел в зрительный зал за годы перестройки. Я наблюдаю конфронтацию в зале — когда перед теми зрительями, которые привыкли в прежние годы сидеть в первом ряду, все хорошо видеть, хорошо слышать, не спеша рассматривать исполнителя, возникает вдруг молодже, выскрывающаяся свою энергию, и начинается «дискотека» перед сценой и в проходах зала. Нередко почтенные дамы начинают таскать за волосы девочек, танцующих перед ними.

Здесь сталкиваются два подхода к артисту, два подхода к зрелищу. Одно — созерцательное, чисто потребительское. Нравится — хлопнем в ладоши, не нравится — промолчим. Другой подход меня настаораживает одним: если вдруг начнешь петь на этой разогретой публике что-нибудь вовсе непотребное, по-моему, они могут и не заметить. Будут так же энергично это «потреблять», пока не заметит этого будет уже невозможно. Беспокоит их готовность принять любой текст, любую музыку. Лишь бы она была на хорошем, крепком ритме. Понятно, когда это чисто танцевальная музыка: я рад, что пою и танцую с полной отдачей перед зрительями, которые попадают в унисон со мной. Приятно, когда зал впитывает твою энергию, заряжается радостью бытия, и в ответ тебе также возвращается многократно усиленный заряд энергии. Но что делать, если ничто другое им неинтересно? Не дай бог!

ЖУРНАЛИСТ. Вы произнесли одно слово, которое заставляет меня задать вам немислимый, к сожалению, для наших прежних интервью вопрос. Веруете ли вы?

ЛЕОНТЬЕВ. Меня не приучали к вере в Бога, к религии. Но я как-то сам пришел к уверенности в том, что мы уже жили и что жить еще предстоит. У меня нет каких-то проверенных фактов, данных — есть совершенно четкое ощущение, убеждение, если хотите, что многое в моей личной жизни было до моего рождения в 1949 году и многое еще предстоит — там, за чертой. Потому что иначе — просто глупость и несправедливость. Я уже говорил о кратковременности нашего сегодняшнего бытия. Может быть, где-то существует хранилище духа и сознания, через которое нам предстоит пройти, воплотиться в будущем — в каком-то другом облике. Все, что мы делаем сейчас, мы вносим в общую вселенскую сокровищницу. Я не верю в Бога, если иметь в виду преподносимый столетиями образ благообразного седьмого дедушки, создания, довольно равнодушного по отношению к тому, что происходит под ним на грешной земле. Но в некий всемирный порядок, который существует, я верю. В соответствии с высшими законами протекают жизнь всего живого и перемена формы.

ЖУРНАЛИСТ. Это ваша человеческая убежденность, личностная. А в минуты творчества возникает ли у вас ощущение, что происходит изменения духа?

ЛЕОНТЬЕВ. Бывают ощущения совершенно свободной парения, полета. Именно на сцене. Ощущения свободы, собственного могущества. Уверенности, что я могу быть кем угодно.

ЖУРНАЛИСТ. Что вас толкнуло в Афганистан, в Чернобыль? Какие-то внешние обстоятельства? Или внутренняя потребность?

ЛЕОНТЬЕВ. Никакие конъюнктурные соображения меня, как правило, не могут ни на что подвигнуть. С Афганистаном меня, например, просто «завели». Когда я в 1984-м, 85-м году пытался спеть «Афганский ветер» Игоря Николаева и Николая Зиновьева, мне не разрешили. Говорили, что войны в Афганистане как таковой нет, что там находится ограниченный контингент... И вроде нет гробов, нет похоронков. А в этой песне, если помните, — «Зачем стучишься, похоронка, в панельный дом...» И я попросился поехать, хотел увидеть сам, что же там происходит. И потом, мне хотелось попасть в какую-то другую жизнь, в экстремальную ситуацию. Одно

дело — знать о чем-то понаслышке, опираться во сплетни, на слухи. Другое дело — увидеть самому.

Первое, с чем мы столкнулись в кабульском аэропорту: прилетели, выгрузились, и на наше место стали грузить гробы. Так для меня начался Афганистан. Сразу стало многое ясно.

Что касается Чернобыля... Тут многое связано с творчеством Стругацких. Их герои всегда во мне присутствуют. «Тикники на обочине» этих писателей и ощущение, что я увижу нечто подобное, заставили меня поехать в Чернобыль. Мои ощущения от поездки Стругацких и от того, что я увидел там, совпали. Ночные мертвые деревья, тихая полная луна, абсолютное безветрие, кошки с зелеными глазами, сидящие на воротах в этих деревнях, раскрытые окна, ставни, распахнутые двери, все — заросшее травой, кустарником. Страшно, нежалею — и манящее какой-то загадкой, ужасной тайной. Я не говорю уже о том, что в то время всякий приезд артистов, да еще известных, был огромной радостью для людей, которые там жили и работали в тяжелейших условиях.

ЖУРНАЛИСТ. Я не случайно задавал вам этот вопрос. И там, и там человечество оказалось у черты, у рокового предела. Война, смерть — и вдруг вы, такой жизнегладостный певец. Казалось бы, вас должно тянуть в Париж...

ЛЕОНТЬЕВ. А вот не тянет в Париж. Во мне существует влечение к ситуациям трагическим, драматическим. Какой же я жизнегладостный! Мое ощущение жизни довольно драматично. Но для того чтобы как-то внутренне и внешне достичь равновесия, я разрабатываю и такой пласт, как танцевальная, жизнегладостная музыка.

А географически меня, например, притягивают и волнуют Сингапур, Таиланд, Гонконг, Мадагаскар... Островные государства. Если бы мне предложили на выбор — лететь в Зимбабве или Париж — я бы, конечно, выбрал Зимбабве.

ЖУРНАЛИСТ. Многие ваши коллеги успевают и в Париж, и в Зимбабве...

ЛЕОНТЬЕВ. Все-таки больше в Париж. Сейчас существует тенденция: молодые музыканты, еще не узнав как следует свою публику, плюют на нее и стремятся свои возможности продемонстрировать на Западе. Заранее оставляя вне поля зрения огромную страну с трехсотмиллионным населением. Наверное, их смелость достойна уважения, но я сам прежде всего хочу быть любимым артистом в той стране, в которой я родился и в которой, очевидно, мне придется умереть. Я не рвус к известности на Западе, хотя это не значит, будто я не хочу, чтобы меня там знали. Но какой ценой? Ради выезда и работы на крохотных площадках не собираюсь кланяться заезжему фирмачу, который имеет деньги и возможность вывезти артиста.

Импресарио зовет попеть для эмигрантов? И едут, везут оттуда два видеомэгнитофона и кучу рассказов о том, с каким сногшибательным успехом прошли гастроль. Зачем же самих себя обманывать? У меня была коммерческая поездка в Индию. Я работал на стадионах, собиралось по 6—10 тысяч человек. Но там меня знают. А если во Францию позовут попеть в ночном клубе две недели — я не поеду. Это было бы несерьезно.

ЖУРНАЛИСТ. Такое утверждение вызывает у ваших недоброжелателей злорядную мысль: «Ага, его нигде не приглашают, вот он и распинается».

ЛЕОНТЬЕВ. Только в прошлом году я три раза отказался от предложенной поехать в Америку.

ЖУРНАЛИСТ. Именно по этой причине?

ЛЕОНТЬЕВ. Плюс к тому надо быть очень подготовленным. То, что мы сейчас делаем на эстраде, там давно пройденный этап. В области рока, например, в сопоставлении с Соединенными Штатами вторичен западноевропейский музыкальный авангард. А мы, в свою очередь, вторичны уже по отношению к европейскому Западу. Туда надо везти не упаковку, которая по сравнению с их упаковкой явно блекнет, а то, что входит в понятие внутренней сущности. Но как ее раскрыть таким образом, чтобы ею заинтересовались, распознали ее? Вот главный вопрос.

Я думаю, если мне выезжать на гастроль на Запад, то не только как певцу, но и как актеру. То есть вывозить туда либо мюзикл, либо оперу «Джордано». А для этого нужна мощная поддержка, и финансовая, и техническая. Причем и с нашей стороны, и с той стороны. Сейчас предпринимаю шаги к тому, чтобы такую поддержку получить. Крупные музыкальные формы их интересуют.

ЖУРНАЛИСТ. Судя по тому, что вы готовы везти на Запад «Джордано», вы довольно этой работой?

ЛЕОНТЬЕВ. Принципиально доволен. Сделал то, чего хотел к чему долго стремился в своих программах: «Я просто певец», «Наедине со всеми», «Бегу по жизни», «Звездный сюжет» — во всех этих представлениях я пытался выстроить драматургическую линию. Но только специально написанная пьеса дает возможность осуществить это намерение. Не все задумки, связанные с этим спектаклем, мы смогли реализовать: очень уж несовершенство наша административно-организационная структура. Да, собственно, ее, структуры этой, просто не существует. Профессиональные люди вынуждены заниматься самодеятельностью в смысле организационной работы. Такую масштабную, объемную вещь, где заняты не только солисты, но и ансамбль пантомимы, мы репетировали в комнате! Началу нам обещали золотые горы, а потом... Пошив костюмов превратился в трагедию пощиче «Джордано». Я зарекался снова обращаться к подобным музыкальным формам. Но опять меня гложет червь сомнения. Сделать мюзикл! Хотелось, чтобы со сцены лилось шампанское! Сделаю еще одну попытку.

Фото Н. Самойлова.